

Лесли Ламберт

НЕИЗМЕННЫЙ жребий

Лесли Ламберт

Неизменный жребий

«Автор»

2010

Ламберт Л.

Неизменный жребий / Л. Ламберт — «Автор», 2010

Только цепочка случайных событий могла привести Клиффорда Стаффа, преуспевающего банковского специалиста, на порог салона, где делают расклады на картах Таро. Свой вопрос он задает шутки ради... Но карты не шутят. Владелица салона Корнелия Картер в недоумении – она никогда не видела, чтобы одному и тому же человеку три раза подряд выпадала пустая карта...

© Ламберт Л., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1	5
2	10
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лесли Ламберт

Неизменный жребий

1

Дождь заливал Эдинбург и его пригороды. Он словно каждой каплей, всеми своими потоками воды напоминал о том, что пришла пора осени.

Сентябрь уже успел раззолотить деревья, пробежаться по траве, сделав ее пожухлой. Утро какое-то время еще начиналось голубым небом, но теперь ему на смену пришла дождевая завеса – прибраться и как следует все отмыть, скрыть следы летнего и беззаботного времяпрепровождения.

В доме из красного кирпича под серой крышей, в небольшой квартире, не слишком обремененной мебелью, вопил и возмущенно подпрыгивал на месте будильник.

Хрупкая рука с тонкой по-детски ладошкой потянулась к нему, зашарила вслепую, начала бить по кнопке выключения.

Будильник не давался. Он верещал все более возмущенно, огрызался, вопил, настаивал, чтобы Корнелия немедленно поднималась.

– Еще чего! – вслух произнесла Корнелия.

Она умудрилась нашарить кнопку будильника, даже не открывая глаз, решительно вдавила ее в пластиковый корпус часов. Будильник беспомощно пискнул и замолчал.

– Так-то лучше, – сонно улыбнулась Корнелия.

С какой стати какой-то механизм будет учить ее жить, указывать, что ей делать? Пора вставать? Она сама решит, когда ей встать.

Корнелия приподнялась на скомканной постели, отдернула занавеску, выглянула в окно.

– У-у-у! – она в расстроенных чувствах покачала головой.

Какое хмурое, дождливое, серое утро!

А, может, это еще не утро? Может быть, пока просто не рассвело?

Хотя... сейчас осень, конечно, но вот на часах уже начало десятого. Непохоже, что за окном хоть сколько-нибудь посветлеет. Сколько бы Корнелия не провалялась в кровати.

– И все равно я вполне могу еще немного поспать, – упрямо произнесла она.

Будильник всем своим видом выражал неодобрение.

Зачем нужно было его заводить, если ты – самая настоящая лежебока?

Спала бы тогда до полудня, а то и до обеда. Вряд ли поднимешься и начнешь заниматься чем-то стоящим...

Корнелия зевнула, не прикрывая ладонью рот.

В самом деле, кого ей было стесняться в пустой квартире? Даже животных не было – кота или собаки. Даже рыбок Корнелия заводить не желала.

С ее темпом и образом жизни любое животное в ее обиталище стало бы глубоко несчастным. Позабытым, позаброшенным, неухоженным. Какие уж тут животные, когда возвращаешься за полночь!

Корнелия продремала еще полчаса. Но будильник все же сделал свое черное дело. Она уже не могла уснуть по-настоящему, провалиться в сон и не думать о хмуром сизом небе за окном. Наконец она вздохнула, потянулась и неохотно свесила ноги с кровати.

Чай или кофе? А, может быть, свежавыжатый сок?

Шлепая босыми ногами по паркету, Корнелия отправилась на кухню, в чем была – в одной длинной футболке.

Краткий обзор полок показал, что сока нет.

Подробная инспекция холодильника подтвердила выдвинутую версию. Не было ни паке-тированного сока, ни лежалых апельсинов, чтобы выдавить содержимое мякоти из них.

И, как назло, Корнелии больше всего на свете захотелось именно сейчас ощутить вкус апельсина на языке, почувствовать его прохладу, его бодрящую, щиплющую за язык свежесть.

Корнелия обыскала все полочки над разделочным столом, заглянула даже туда, где лежали пакетики с пряностями: с корицей, кардамоном, петрушкой. Может, хотя бы там зава-лялся пакетик сухого апельсинового напитка?

Нет, и там ничего не было.

– Значит, меня спасет кофе, – улыбнулась Корнелия, которая было загрустила.

Нужно было смолоть крепкие коричневые зерна, чтобы кухню наполнил головокружи-тельный аромат – аромат соблазнения, уюта, терпкого вкуса и интереса к жизни...

Нужно было...

Нужно, чтобы было что смолоть, для начала.

Корнелия в растерянности подцепила двумя пальцами пустую упаковку из-под кофейных зерен:

– Ума не приложу, когда я успела его прикончить, и даже не заметить этого, – озадаченно произнесла она.

Делать было нечего. На худой конец, сгодился бы и растворимый кофе, который в глу-бине души Корнелия презирала. От растворимого кофе во рту оставался мерзкий привкус. Не спасали даже три-четыре ложки тростникового сахара.

Коробка из-под чайных пакетиков тоже была пуста...

Корнелия подивилась: какой-то заговор против нее, что ли, здесь осуществляется? Или приходили гости, которые решили подшутить над ней? Как же она позавтракает перед тем, как отправиться на работу? Без завтрака и работа – не работа, а так... мучение сплошное.

Натянув все-таки трусики, Корнелия приступила к поискам всерьез. И они увенчались успехом. В кухонных недрах Корнелия обнаружила непочатую банку какао в гранулах. Обычно Корнелия предпочитала поедать это какао в качестве обычного лакомства – хрустящая и сладкая масса с привкусом шоколада исчезала из посуды в мгновение ока. Но сегодня не следовало разбрасываться единственным напитком, оказавшимся в распоряжении Корнелии.

Корнелия сидела на кухонном столе, болтала ногами (а кто мог сделать ей замечание, если даже будильник находился в спальне!), глядела в окно, догрызала бутерброды с ветчиной и высушенным сыром, запивала их драгоценным горячим какао. Мир постепенно обретал при-вычные краски, становился лучше.

Да, будильники все-таки нынче пошли слишком наглые. Она – сама себе хозяйка, разве не так?.. Встает, когда хочет. Ложится, когда ей вздумается... Живет по своему усмотрению.

Какое счастье, что теперь у Корнелии есть возможность это делать!

Да, конечно, ей нужно собираться и ехать на работу. Но, во-первых, в салоне все равно люди не появляются так рано. Это раз. А два...

Что же будет вторым? Ах, да! Два – это то, что к Корнелии никто на сегодня не записы-вался.

Значит, она имела полное право еще часок-другой поваляться в постели. Ее бизнес – ее дело. Разве не так?

«Так, так, только успокойся», – произнес внутренний голос. Он беспокоился о том, чтобы мысли Корнелии не встали на привычные рельсы, не покатались по наезженной колее раз-думий. Он знал, что подобные размышления могут испортить Корнелии настроение на весь день...

Приятный завтрак был окончен. Пора было мыть посуду, собираться, выходить из дома.

Корнелия старалась растянуть этот процесс. Она отправилась в душ, пускала попеременно то холодную, то горячую воду, пока, наконец, полностью не почувствовала себя бодрой, свежей и готовой к подвигам.

На очереди была прическа, макияж и выбор одежды.

Корнелия долго расчесывала свои длинные, почти до талии, волосы, абсолютно прямые, с мягким блеском. Светлые. Очень светлые. Сколько людей вокруг (главным образом, конечно, это были женщины) восхищалось природной блондинистостью Корнелии. Ей завидовали, мастера в салонах красоты уговаривали не стричься, собирались вокруг, обсуждали редкий цвет волос девушки.

Если бы они знали, как саму Корнелию утомило... нет, не повышенное внимание со стороны окружающих. Ее внешность, ее вид в зеркале. Корнелию раздражал цвет стопроцентно выгоревшей пшеницы. О, почему эта роскошная грива – не угольно-черного цвета? Почему, в конце концов, она не переливается всеми оттенками меди?

Ладно. Корнелии хватило бы и одного медного оттенка, если бы он принадлежал ее волосам.

Она искренне считала, что ей не хватает природных красок. Что она – бледная, не всегда приметная, ее тип – чересчур пастельный. Если бы природа хотя бы одарила ее черными или карими глазами... Был бы интересный контраст, гипнотизирующее сочетание. Но... увы. И мама, и отец Корнелии не были смуглыми, золотоглазыми, даже не обладали карими глазами – что они могли передать дочери по наследству?

Правильно. Прозрачные, словно колодезная вода, и при этом чистые, словно только что умывшееся весеннее небо, светлые голубые глаза.

Подружки Корнелии, с которыми та училась в колледже, частенько недоумевали – вслух – откуда у нее такая страсть к макияжу?

Корнелия частенько захаживала в косметические магазины, прихватив с собой одну из них. Изучала толстые журналы, книги с изобилием красочных иллюстраций, рассказывающие и показывающие, как грамотно и выигрышно наносить косметику.

Корнелия вслух никогда не жаловалась на свою внешность. Если бы она озвучила кому-нибудь свои сомнения, возможно, их развеяли бы доброжелательные окружающие. Никому из них не пришлось бы лукавить. Корнелия была красивой. Красивой бледной девочкой с нежным румянцем, светлой кожей и светловолосой. Она никогда не видела себя со стороны. По-настоящему со стороны. Откуда ей было знать?..

Фотоснимки в школьном альбоме, конечно, не в счет. Да и видеосъемки на домашнюю камеру мало что передавали.

Корнелия уставилась в зеркало. Зеркало ничего не отражало, так как было запотевшим. Пришлось краситься на подоконнике, в спальне, водрузив на один его конец большое зеркало, на другой – объемный сундучок с косметикой, и пристроившись между ними аккурат посередине.

Брови, не слишком золотистые, но все же довольно светлые, Корнелия тщательно подштриховывала темно-коричневым карандашиком. Удовлетворившись результатом, она прибегла к помощи расчески, чтобы придать бровям завершенную форму.

На подвижное веко легли густые фиолетовые тени. Под брови Корнелия нанесла краску цвета очень молодой листвы. Получилось ярко, но, пожалуй, оригинально.

Ресницы были подчеркнуты двумя слоями коричневой туши. Корнелия, вопреки всем законам грамотного макияжа, выделив глаза, никак не могла успокоиться на достигнутом.

Она обвела губы контурным карандашом терракотового цвета.

– Это у меня сегодня терракотовое настроение. Как раз к осенней бронзе на деревьях.

Матовая помада похожего оттенка; а поверх нее – лакомый сверкающий блеск для губ.

Все вместе, по мнению Корнелии, должно было производить неизгладимое впечатление на окружающих.

Свои длинные и светлые волосы она слегка растрепала, подколола пару прядей заколками и решила, что теперь можно и одеться.

Черт, какая досада. Накануне она забыла в стиральной машине свежевывстиранную одежду. И надо же было так опростоволоситься!

Сырыми оказались практически все более-менее плотные джемперы, кардиганы, пара джинсов.

Не может же она отправляться на работу в летнем сарафане, который еще вчера был таким актуальным, но теперь продувался насквозь промозглым ветром?

В отчаянии Корнелия обшаривала платяной шкаф.

В углу шкафа одиноко гнезвился шоколадного цвета твидовый костюм.

У Корнелии с этим костюмом были связаны не самые лучшие воспоминания в жизни...

Что, неужели ей не остается ничего иного, кроме как вырядиться в эту несчастную коричневую тряпку и отправляться ловить такси?

Черт, черт, черт.

Но это была единственная сухая и относительно осенняя одежда в шкафу.

Кучка шифоновых маек, юбок ультракороткой длины и легких шортов никуда не годилась...

Да, но этот шоколадный цвет! Мрачнее, конечно, что-то изобрести можно, но довольно сложно.

Как же маму угораздило преподнести дочери такой вот подарок? Костюм для вручения дипломов в колледже... С ума можно сойти!

И ведь было не отвертеться. Мама основательно подошла к вопросу. Заехала с Корнелией в обувной магазин, присмотрела дочери туфли – правда, на каблук, с пряжками, но цвет был все тот же – скучный, не праздничный. Корнелия тогда даже и не догадывалась, что туфли покупаются специально под костюм. Еще куда ни шло – надеть эту обувь под веселые синие джинсы, или, скажем, с желтым вязким платьем.

Но нет...

Незадолго до выпускного мама с торжественным (Корнелия скорее окрестила бы это выражение «похоронным») выражением лица вручила дочери коробку в поблескивающей бежевой оберточной бумаге.

Корнелия радостно распотрошила пакет.

Но вместо предполагаемого невесомого наряда, какого-нибудь серебристого или розового платья, ей в руки скользнула плотная коричневая материя в рубчик...

Пришлось улыбаться, даже делать вид, что пришла в восторг. Одобрило и семейство. Да разве они разбирались в моде? В стиле?

Корнелия могла поручиться, что мама в жизни не держала в руках каких-нибудь симпатичных журналов. Даже если журналы и попадали в ее руки, то это была специализированная литература – аудит, бухгалтерия, юриспруденция...

Карманных денег и вообще сбережений Корнелии на тот момент не хватило бы ни на пару изящных босоножек какого-нибудь пастельного оттенка, ни на сногшибательное платье приталенного силуэта.

В результате материнской опеки и заботы фигура Корнелии была прочно скрыта под коричневой тканью. На выпускном она не пользовалась особым успехом. Да, ее, конечно, приглашали на танцы, не позабыли совсем...

Но она и сама чувствовала себя скованно. Жалась, ей было неудобно. В туалете она накрасилась ярко-красной подружкиной помадой. Ей казалось, что это хоть как-то компенси-

рует недостаток эффектности. Ей так хотелось почувствовать себя более женственной на этом празднике...

Чувствовать себя женщиной получалось плохо.

Давний дружок даже подбросил ее до дома на папином «Лендровере». Но это уже не могло спасти для Корнелии вечер. Она ловко (как ей самой показалось) увернулась от поцелуя. К тому же дружок благоухал пивом. «Сейчас присосется ко мне, перепутав с очередной бутылкой, как пить дать», – с опаской подумала Корнелия, подставила для поцелуя щечку, потом резко открыла дверцу автомобиля и вывалилась из него, едва не поломав правый каблук.

Обещания захватить за ней завтра и отправиться куда-нибудь – на пикник, в боулинг, просто пить кофе – Корнелия уже не слушала, на шаривая в сумочке огромную связку ключей от дома.

Словом, торжество не удалось. Корнелия ощутила себя не прекрасным лебедем (хотя для этого были все основания!), а... нет, и не гадкой замарашкой. Нечто среднее, пожалуй. Хотя это самое «среднее» было ничуть не лучше замарашки.

Замарашка что? Хотя бы привлекает внимание. Да-да. Выделяется из толпы... своей неряшливостью или бедностью. Некоторые с жалостью отворачиваются.

А этот коричневый костюм, эти скучные туфли на один из главных праздников в жизни девушки, почти подростка... Корнелии казалось, что там, в ярко украшенном зале она почти слилась со стенами, была никакой, на нее не обращали того внимания, которое должны были бы обращать.

Злополучный коричневый костюм Корнелия аккуратно повесила на плечики и задвинула в самый дальний и темный угол шкафа. Туфли долгое время валялись в коридоре. Об них спотыкались все, кому не лень. Мать ругалась – прибереги, положи в коробку. Корнелия на словах соглашалась, на деле не хотела даже прикасаться к этой обуви.

Дело закончилось тем, что мама сама натерла туфли кремом, убрала их в соответствующую коробку и сунула куда-то среди прочих обувных коробок дочери.

Когда Корнелия переезжала на свою первую съемную квартиру, у нее не было особого времени разбирать все эти вещи. Как было, погрузили в фургон, а в новой квартире Корнелия распихала все по встроенным шкафам и шкафчикам.

И вот теперь костюм неожиданно подвернулся ей под руку.

Он словно издевательски подмигивал своими блестящими, под бронзу, пуговицами.

Мол, хочешь, не хочешь – а придется надеть. Деваться-то тебе некуда. Разве что ты хочешь последовательно высушить феном какие-нибудь брючки или джинсы, а вслед за ними – и джемпер?

Корнелия не хотела. Более того, она опаздывала... Уже было слишком много времени, а стрелки на часах неумолимо тикали, напоминая о себе.

Вот так и вышло, что, когда Корнелия наконец-то вышла из дома, на ней, вопреки обыкновению и против ее желаний, был скучный коричневый костюм подчеркнuto делового вида, коричневые туфли, в поисках которых пришлось перетрясти добрую дюжину коробок. Корнелия ловила такси, открывала зонтик, укладывала в объемную сумку ключи – и все это одновременно.

Да, если сегодняшний день соизволил начаться так неприятно, то какого же продолжения от него стоит ожидать?..

2

Клиффорд вел свою старенькую «семилетку» – «Тойоту» – вдоль набережной.

Дождь заливал лобовое стекло. Дворники резво бегали туда-сюда, но воды было слишком много, они плохо справлялись.

Хорошо хоть, не было слышно, как дождь барабанит по стеклу. У Клиффорда в машине, как это частенько случалось, играла музыка. Громкая. Пожалуй, даже чересчур громкая.

Но что было делать, если эта песня вдруг так живо напомнила ему о Трейси?

Конечно, он немедленно повернул регулятор громкости почти на полную мощность.

Клиффорд мечтательно прищурился. В памяти всплыли лукавые зеленые глаза Трейси, ее волнистые русые волосы с каким-то необычным, скорее всего, медовым отливом.

И ее танец на барной стойке. Да, такое мужчины забывают нескоро. Из всех тех девчонок, кто умудрился вскарабкаться тогда на стойку, Трейси была, пожалуй, самой гибкой из всех. Самой грациозной. Ее движения были пластичными и неожиданными одновременно. Где-то – дерзкими, а где-то – просто красивыми.

Неудивительно, что после этого маленького импровизированного представления к зеленоглазой красавице немедленно ломанулось полдюжины мужчин – поздороваться, засвидетельствовать одобрение, предложить угощение в виде кружечки темного пива.

К счастью, Клиффорд оказался самым проворным из них.

– Вы позволите? – поинтересовался он.

Лукавые зеленые глаза встретились с такими же зеленоватыми, как бутылочное стекло, глазами.

– Позволю что? – уточнила зеленоглазка.

А вот продолжение своей вступительной речи Клиффорд не подготовил. Он даже немного растерялся, так как сам от себя не ожидал...

– Что позволите? – переспросил он. – Да ничего, думаю.

– То есть как это – ничего? – зеленые глаза прищурились, на этот раз – в недоумении.

– А вот так. Ничего. Думаю, вас и без меня утомили своими просьбами или предложениями.

– Просьбами?

– Да, – Клиффорд кивнул, – например, станцевать еще, скоротать вместе вечер, сообщить номер телефона... Но каждый человек имеет право на отдых. На свободу от назойливого внимания окружающих. Даже если этот человек – такая красивая женщина, как вы...

Она улыбалась.

– Так что, – завершил свою самобичующую речь Клиффорд, – я, пожалуй, извинюсь перед вами и откланяюсь.

– Нет-нет, не стоит, – встрепенулась шатенка, – как раз наоборот: в данный момент вы мне очень помогаете.

– В чем же?

– Как раз в том, о чем сейчас говорили сами – избегать назойливого внимания нежелательных персонажей.

Она махнула рукой в сторону:

– Судите сами: неужели мне должно быть интересно и весело общаться со всей этой нетрезвой толпой?

От зеленоглазки совсем не пахло алкоголем.

– Зачем же вы тогда приходите в подобные места? – поинтересовался Клиффорд, надеясь при этом, что его вопрос не прозвучит слишком бесцеремонно...

– Я люблю танцевать, знаете ли. Дома, перед зеркалом, или даже в гостиной особо не натанцуешься. В клубах своя атмосфера – особенная. Диджеи создают настроение... Мне кажется, что заниматься интересным тебе делом в специально отведенных для этого местах – правильно. А вам так не кажется?

– Кажется, – кивнул Клиффорд, – но то, что вы начинаете пользоваться спросом у других посетителей клуба – обратная сторона этой медали.

– Может быть, вы подскажете мне, существует ли какой-нибудь цивилизованный способ этой проблемы избежать? – насмешливо спросила любительница танцев.

– Охотно, – кивнул Клиффорд.

– Тогда я с интересом слушаю вас, – девушка неожиданно протянула ему руку, – да, я не представилась. Меня зовут Трейси. Трейси Уилсон.

– Клиффорд Стафф, – он с готовностью пожал руку зеленоглазкой. Рука оказалась теплой, мягкой и вообще очень приятной на ощупь.

За спиной Клиффорда «очередь» из страждущих – желающих урвать толику внимания со стороны Трейси – потихоньку рассасывалась. Видимо, парни поняли, что сегодня удача не на их стороне и им мало что светит...

С досадой покряхтывая, возвращался за свой столик обрюзгший парень с тройным подбородком и обвислым животом. Даже за милю от него несло потом. Клиффорд заметил, как передернуло Трейси.

Также в числе неудачников оказались два худых паренька, с виду – совсем подростки, одетые в бестолковом улично-рэперском стиле. Неподалеку от Трейси с Клиффордом какое-то время еще мялся с ноги на ногу парень в очках с внушительной роговой оправой на переносице, одетый в темный свитер и рубашку с белым воротничком. Незадачливый кавалер почесывал усики, пробивающиеся над верхней губой, и с надеждой поглядывал на Клиффорда. Но через какое-то время и он сдался окончательно и растворился в полумраке дискотечного помещения.

Трейси немедленно вздохнула с облегчением.

– Спасибо вам, мистер Стафф! Вы, можно сказать, спасли меня от нашествия недоумков. Какой-то сегодня плодovitый вечер для них. И откуда их столько берется? Неужели вылавливают по всему Эдинбургу?

Клиффорд с готовностью засмеялся:

– Во-первых, абсолютно не за что! Всегда рад помочь человеку в затруднительной ситуации. – Он какое-то мгновение колебался, стоит ли сказать «человек» или все же произнести «очаровательная девушка», но решил не слишком напирать. – А, во-вторых, не нужно звать меня Стафф. Лучше зовите меня Клифф, и давайте перейдем на «ты».

– Ну что вы, мистер Стафф... У вас такое мужественное имя. Зачем же его сокращать и тем самым портить?

– Портить?

– Да, – кивнула Трейси, – лишать звучности.

– Согласен, – рассмеялся он, – давай остановимся на Клиффорде.

– Я хочу взять коктейль, может быть, тебе тоже принести? – неожиданно предложила Трейси.

– Вообще-то если кто-то и должен предложить угощение, так это я, – запротестовал Клиффорд. – Мохито, пина-коладу, дайкири?

– Но я настаиваю. Ты практически спас мой вечер. Не пришлось отбрыкиваться от уймы жаждущих познакомиться. А я к тому же сегодня была без подружки, как назло. Пришлось бы нелегко, а, может, и вовсе пришлось бы уехать раньше намеченного времени.

– Тогда просто содовую воду, спасибо, – решил Клиффорд.

Трейси с удивлением взглянула на него:

– Не пьете?

– Пью. То есть... Иногда бывает, конечно. Просто я за рулем.

– О, – уважительно вздохнула Трейси, – я вот пока что еще не обзавелась собственной. Приходится ждать открытия метро или ловить такси, это не всегда легко в четыре часа утра...

– Если ты разрешишь, я отвезу тебя.

Трейси захлопала в ладоши, радостно, как ребенок:

– Это было бы замечательно! Ты словно какой-то ангел-хранитель! Ну, я пойду за содовой.

Она исчезла в направлении бара.

Клиффорду было невдомек, что Трейси подкупила его представительная внешность. Даже сегодня и сейчас, в ночном клубе, он был в одном из своих любимых костюмов – сером, в тонкую полоску. Узел галстука был ослаблен, а пиджак – расстегнут. Это делало импозантную внешность Клиффа чуть менее официальной. Но от этого она не делалась менее представительной.

Клиффорд редко разъезжал по ночным клубам. И сегодняшней его визит был скорее случайностью. Понадобилось передать документы приятелю. Самым простым способом перебраться с приятелем как можно скорее, не дожидаясь нового рабочего дня, оказалось заехать в этот клуб, заодно и переговорить над чашечкой-другой ристретто с лимоном.

Приятель давно уже уехал. А Клиффорд как зацепился глазами за тонкую фигуру рыжей девушки, извивающейся в самозабвенном танце на барной стойке, так и отмер только тогда, когда диджей сменил музыку на что-то более медленное, мелодичное и не столь сильно пульсирующее в воздухе и в висках.

...Они с Трейси провели милый вечер, потягивая содовую, мохито, капучино и другие напитки. Клиффорд любезно предложил оплатить итоговый счет, и Трейси, для вида повозмущавшись, в конце концов, согласилась.

Около трех часов ночи он отвез Трейси домой. Наградой ему послужил номер телефона. А Трейси сунула визитку, которую ей дал Клиффорд, в объемный карман своего зеленоватого тренкота. Они договорились созвониться в ближайший уик-энд, после чего расстались.

Песня в «Тойоте», которая так внезапно и так живо напомнила Клиффорду о Трейси, давно уже смолкла, сменившись каким-то бодрым мотивчиком в духе регги. Но на губах Клиффа все еще бродила мечтательная улыбка, которая даже и не думала покидать его лицо.

Если бы музыка в салоне автомобиля Клиффорда не играла так громко, наверное, ему удалось бы отследить подозрительный звук. Может быть, он даже успел бы зарулить в какой-нибудь автосервис, где неполадка его автомобиля была бы оперативно устранена.

Но... что произошло, то произошло.

Мотор внезапно чихнул, заскрежетал и заглох.

– Тьфу ты, черт, – среагировал Клиффорд.

Хорошо, что он ехал близко к обочине. Никто не влетел в него сзади. Правда, автомобилистам приходилось объезжать его, они выставляли в окно недовольные лица и время от времени коротко, но звучно сигналили.

Клиффорд включил аварийные сигналы.

Затем на секунду задумался.

Стоило пораньше отправиться домой, чтобы вот так дурачки заглохнуть по пути. Он вообще-то планировал посидеть над документами, основательно поразмыслить над проектом, продумать все детали и мелочи. Это ничего, что голова заболела... Кажется, давление повышается. А может, и нет...

И что теперь делать? Выходить из автомобиля и возиться над распахнутым капотом?

Отличная идея. Это поможет ему вымокнуть до нитки и заработать не только головную боль, но и легкую простуду.

Есть вариант позвонить в какую-нибудь техническую службу и вызвать эвакуатор.

Да, но под таким ливнем его машину, может, и эвакуируют в ремонтную мастерскую, но при этом еще и хорошенько перепачкают в грязи.

Тут Клиффорду в голову пришла блестящая мысль – он додумался взглянуть на индикатор топлива в баке.

Этого следовало ожидать... Да, бензин в машине Клиффорда был на нуле.

Конечно! Он ведь отвозил Трейси домой, а это оказался не ближний свет.

А потом его словно окутывала легкая дымка, затуманившая разум и заставившая позабыть о таких бранных земных мелочах, как заправка автомобиля.

Не догадался он подзаправиться и с утра... Вот результат: заглох в пятнадцати минутах езды от дома.

Что ж, как-нибудь он отсюда до дома доберется. Пробежится, может быть, даже не слишком вымокнет. А завтра, когда обстоятельства и погода будут больше располагать к реанимации машины, он вернется сюда на такси с канистрой топлива.

Вот и отлично. Клиффорд потянулся к заднему сиденью, захватил лежащий там дипломат с бумагами. Теперь короткая перебежка до дома – и он в тепле, сухости и комфорте.

Он выскочил из машины, нажал кнопку включения сигнализации, для верности даже подергал дверцы. Все было в порядке. Клиффорд припустил в сторону дома: свернул с набережной, углубился во дворы.

Настоящий ливень застиг Клиффорда, когда он торопливо шагал по маленькой улочке. Волосы давно уже промокли, с кончика носа капала вода, но только теперь Клифф почувствовал, как холодные струи дождя льются за шиворот его дорогого кашемирового пальто.

Нужно было срочно предпринимать какие-то решительные меры, чтобы не пропитаться дождем окончательно. В противном случае через пару минут Клиффорда можно будет отжимать в сушилке вместе со всеми его вещами, включая ботинки.

И дипломат.

Он, конечно, кожаный, но... Черт его знает, там ведь важные бумаги. А что, если смажутся и поплывут чернила?

Клиффорд в отчаянии заметался по переулку. Как назло, на глаза ему не попадались ни магазины, ни какие-нибудь кофейни. Ему срочно было необходимо укрытие, где он мог бы переждать хлещущий по лицу и по лацканам пальто дождь.

Укрытия не было... Почему, ну почему здесь нет какого-нибудь ресторанчика, книжного магазина или даже салона дамских аксессуаров?

Ответ пришел сам собой: потому что все они сосредоточены на улицах с гораздо большим скоплением народа.

Казалось, будто положение было безвыходным.

Взгляд мужчины упал на небольшую вывеску, полускрытую пожухлой листвой куста сирени. Четыре ступеньки, высокие, продолговатые, вели на крылечко под лиловым навесом. Вывеска гласила:

«Салон ТАРО».

И надпись витиеватыми буквами чуть ниже: «Узнай все о своей жизни».

Смысл вывески заставил Клиффорда расхохотаться.

Но...

Кажется, это было единственное место, куда можно было заскочить в поисках убежища.

Что, собственно, Клиффорд и сделал.

Он взбежал по ступенькам, потянул за дверную ручку...

Было заперто.

Клиффорд постучал. Потом заметил крохотную серебряную кнопку звонка и нажал на нее. Словно гулкий колокольный звон разнесся за дверь. Клиффорд приготовился к ожиданию.

Внезапно дверь распахнулась перед его носом...

Взору Клиффорда предстала тонкая, как тростинка, девочка. Чуть ли не подросток.

Этот самый подросток был густо накрашен, глядел на него серьезными голубыми глазами. Подросток вопросительно улыбался.

– Можно... войти? – выдавил из себя Клиффорд.

Она секунду размышляла, сомнения были практически написаны на ее тонком личике.

– А что вы хотели? – наконец заинтересовалась она.

«Черт побери, да простопусти меня!»

Клиффорд вынужденно улыбнулся:

– У вас ведь тарологический салон?

– Да, – подтвердила девушка-подросток, все еще с печатью удивления на лице, – именно так. Гадание на картах таро. А что именно вы хотели?

«Действительно, и какого рожна мне бы тут понадобилось? Не сказать же этому прелестному ребенку, что я пришел раскинуть карты. Но, кажется, ничего другого мне и не остается...»

– Мне нужно гадание на таро, – решительно объявил он, – да, именно это мне и нужно.

Она немного посторожилась, словно размышляя, стоит ли ему верить и впускать его. Клиффорд ловко разместился в освободившемся пространстве возле двери.

– Здесь ведь по предварительной записи, – задумчиво сказала она, – вы разве записывались? В сегодняшней графе нет ни одной записи...

– Разве это важно? – Клиффорд силился улыбнуться замерзшими губами. – Мне понадобился совет, и вот я здесь.

Блондинка отступила еще на шаг.

– О, конечно! Простите, пожалуйста! Проходите. Ваше пальто вы можете повесить сюда. Проходите...

Клиффорд вешал пальто, незаметно пытался отряхнуть с волос капли воды, осматривался в помещении.

Прихожая, где он очутился, была, казалось, стерильной.

То есть она была пустой. Это было небольшое прямоугольное помещение без окон, зато с двумя дверьми – одна была входной, другая, по всей видимости, вела в тарологический салон.

На белом потолке горела ровно и ясно маленькая лампочка в светильнике, очень напоминающем по форме лотос или лилию. В углу стояла растопырившаяся черная вешалка. Возле вешалки было несколько пар белых тапочек, наподобие тех, что выдают в гостиницах.

Золотистые обои с мягкими разводами украшали стены, спускались к темному деревянному, чисто вымытому полу.

– Прошу!

Перед лишенным мокрого пальто Клиффордом гостеприимно распахнулась вторая дверь.

Из этой двери было два пути: на крошечную кухоньку и в круглый зал, вход в который был отгорожен шуршащей занавеской.

– Проходите туда, – блондинка откинула перед Клиффом занавеску, – присаживайтесь. Пожалуйста, подождите одну минуту...

Сейчас подойдет хозяйка салона, понял Клиффорд.

На кухне чем-то загремели, звякнули, что-то шлепнуло.

Наконец на пороге зала снова показалась эта тоненькая девочка.

Клиффорд прекратил озираться (он уже успел изучить потертый коврик с восточным узором, обои, такие же, как и в прихожей, обивку мягкого и низкого дивана, на котором сидел, глухо задернутые темно-синие шторы со звездочками).

– Может быть, вы хотите чай или кофе? – гостеприимно предложила она.

Клиффорд не собирался ничего есть или пить в этом сомнительном (для него) месте. Но неожиданно для себя он вдруг произнес:

– Чай, если можно.

– Фруктовый, черный, зеленый?

– О, просто черный, если вам не сложно, конечно.

– С мятой, с корицей, с имбирем, с лимоном?

Господи.

– С имбирем? Это как?

– Я завариваю в чайнике корень имбиря вместе с заваркой, и дополняю букет веточками мяты, – объяснила девочка. – Получается очень вкусно. Честное слово. Я и дома частенько пью подобный напиток. Хотите попробовать?

– А это недолго?

Разве он куда-то торопится?

Судя по звуку за шторами, доносившемуся из открытой форточки, дождь и не думал стихать.

Наоборот, только припустил сильнее.

– Нет, недолго, – улыбнулась она, – чайник сейчас закипит.

– Ну хорошо, – сдался Клиффорд, – давайте этот ваш... как его? С имбирем?

– Он самый, – кивнула любительница чаев.

Клиффорда словно что-то дернуло за язык, когда он произнес:

– Сколько... за чай?

Голубые глаза широко распахнулись:

– Разве я похожа на официантку? Просто считаю вежливым угостить посетителя чаем.

– Простите, – сконфуженно пробормотал Клиффорд.

– И, если это вас интересует, чай не входит в стоимость оплаты визита! То есть платы за расклад таро.

– А сколько же составляет оплата расклада?

Малышка что-то прикинула в уме:

– Если расклад не слишком сложен, то с вас будет восемьдесят фунтов.

Сколько?!

Клиффорд даже опешил от названной ему цифры.

Да... Кажется, хозяйка этого прелестного заведения не бедствует.

Вот ведь и помощницу есть возможность нанимать, и каждого клиента кофе-чаем поить.

Однако где же она?

Тем временем помощница принесла чай в стеклянном заварном чайничке на серебряном подносе, поставила поднос на низкий и широкий журнальный столик. Опустилась в креслице напротив Клиффорда, осторожно перелила часть дымящегося напитка в белую фарфоровую чашку...

– Итак, начнем, если вы не возражаете? – вопросительно глядя на своего гостя, поинтересовалась она. – Или вы предпочитаете сначала спокойно угоститься чаем?

– Начнем? Так вы... и есть хозяйка?

Клиффорд не поверил своим ушам, вернее, глазам.

Эта тоненькая, миниатюрная девушка с водопадом прямых светлых волос, с наивным взглядом голубых глаз – гадалка на картах?

– Простите... как вас...

– О, да, мы ведь не познакомились, – обрадовалась «снежинка», – меня зовут Корнелия Картер. Да, именно я владею этим... небольшим салоном.

Клиффорд молча взирал на Корнелию, будучи в недоумении.

Разве так должна выглядеть «сотрудница» гадального салона?

Юная женщина, почти ребенок. Это можно сказать даже по ее манере держать себя. Даже по макияжу. Такой яркий, вызывающий, словно нарочитый... Клиффорд думал, что так с руки краситься, пожалуй, только вчерашним школьницам.

В представлении Клиффорда гадалки должны были выглядеть совсем по-другому. Что-то вроде той же цыганской народности... Или ближе к жгучему испанскому колориту. Развешивающиеся юбки, красные, черные. Куча браслетов на загорелых запястьях. Бусы, мониста, кольца-серьги в ушах.

Впрочем, это все неважно...

Корнелия была в строгом, почти официальном костюме глубокого шоколадного цвета. Это немного примирило Клиффорда с действительностью. Наверное, эта малышка отличается деловым подходом к тому, чем занимается? Клиффорд и сам предпочитал строгость и официальность в рабочем укладе. Костюм Корнелии подкупил его, хотя сам он вряд ли отдавал себе в этом отчет.

Но что он станет делать дальше?

Не зная, как продолжать их несуразную беседу, Клиффорд, чтобы потянуть время, взял в руки емкость с горячим чаем. Он сделал большой глоток и удивился мягкому, чуть терпкому, довольно пряному вкусу. И еще этот сладковатый привкус во рту, остающийся после сглатывания...

– Нравится чай? – с довольной улыбкой произнесла Корнелия.

– Да, спасибо, вкусный, даже очень, – скороговоркой произнес Клиффорд.

– Так я вас слушаю... мистер?

– Меня зовут Клиффорд Стафф, – объявил Клифф.

– Готова выслушать вашу проблему. Или ваш запрос.

Действительно. Что ж, нужно как-то выкручиваться.

Ведь он сказал, что пришел к ней за консультацией. Вернее, пришел в салон. Признаться после такого теплого приема в том, что он всего лишь намеревался укрыться от дождя... Клиффорд усмехнулся про себя.

Но и выкладывать такую сумму за гадание, в которое он, разумеется, ни секунды не верил – это, пожалуй, перебор.

Так что же ему делать?

Вежливо извиниться и уйти?

Сказать, что передумал?

Нельзя ведь насильно разложить на человека карты.

Или человеку. Как правильно сказать?

Клиффорд внезапно понял, что, оказывается, его головная боль прошла. Ее как рукой сняло.

И что этому причиной? Душистый чай с имбирем? А, может, присутствие этой девушки с мягкой улыбкой и наивным выражением лица? Ее внешность в сознании Клиффорда все никак не вязалась с ее способом заработка. Неужели она занимается тем, что дурит здесь людям голову?

Попутно избавляя их от головной боли. Забавно, ничего не скажешь. Из виска Клиффа словно мгновенно вынули острую иголку, которая до этого свербила и ныла там, внутри.

– Можете не торопиться, – сказала Корнелия, – я пока достану колоду. Допивайте чай, чтобы я смогла убрать поднос со стола, хорошо? Ничто не должно мешать или отвлекать нас с вами от процесса.

Она отсутствовала тридцать секунд. За это время Клиффорд успел обдумать способ бегства через окно и отказаться от этой мысли.

Чай был допит, а поднос убран на кухню. Корнелия раскинула... нет, не карты. Тщательно вытертый журнальный стол она придвинула ближе к себе, накрыла его черной бархатной тканью, вольготно раскинувшейся по поверхности. Раскинув бархат, она извлекла словно из ниоткуда продолговатую коробочку. В ее руках замелькали прямоугольники с какими-то яркими рисунками.

– Итак!

Освободив руки, Корнелия хлопнула в ладоши.

– Сейчас вы должны целиком и полностью сосредоточиться на своем вопросе. На своей проблеме. Какой мы будем делать расклад?

«Никакого», – очень хотелось ответить Клиффорду. Это было бы честно и откровенно.

Он посмотрел Корнелии в глаза. Головная боль исчезла, словно и не было ее никогда на свете. С каждой секундой он чувствовал себя все лучше.

Может, малютка не своим делом занимается? Может, ей самое место среди терапевтов или других врачей? Если ее так тянет к эзотерике, шла бы в целители... А она сидит тут и возится с пестрыми картонками.

Ничего этого Клиффорд, разумеется, не произносил вслух. Он просто не мог. Следующий взгляд в большие голубые глаза Корнелии практически парализовал его. Он словно глядел в небо. Он не мог оторваться, парил, словно птица с широко распростертыми крыльями. Таял, точно подогреваемый на электроплитке брикет ягодного пломбира.

– Я...

– Ну же, смелее, – поторопила его Корнелия, – с чем-то ведь вы пришли ко мне?

– Пришел?

– Ну да. Что-то же вас беспокоит?

– Значит, я могу задать вопрос?

– Любой, – заверила Корнелия.

– Какой захочу?

– Конечно. Какой вы сами захотите.

– И ваши карты дадут мне ответ?

– Да. И этот ответ мы истолкуем...

– Как?

– Согласно значению выпавшей карты таро, – слегка нахмурившись, произнесла Корнелия, – существует справочник по толкованию значений различных карт таро. Конечно, вам нужно, помимо всего прочего, прислушиваться и к собственным ощущениям...

– Да нет у меня никаких ощущений.

– Они у вас обязательно появятся, – заверила Корнелия.

Отступить... то есть деваться было некуда.

Ладно, сам напросился. Клиффорду не хотелось разочаровывать Корнелию. У него с языка готовы были сорваться слова насчет того, что он думает относительно всяких подобных гаданий. Но обижать Корнелию ему почему-то не хотелось.

В конце концов, его сюда никто не заманивал. Ни кнутом, ни пряником.

Но что же ему спросить у Корнелии? То есть что ему спросить у таро?

За это ведь придется отдать все восемьдесят фунтов.

Это должна быть не какая-нибудь ерундовина. Это должен быть вопрос...

Нет, не жизни и смерти. Да речь и не идет о жизни и смерти. Ведь у него, у Клиффорда, все хорошо. Но должна же быть какая-нибудь проблема?

Что-нибудь, что его беспокоило бы. Какой-нибудь вопрос.

И тут Клиффорда осенило.

В мозгу словно вспыхнула картинка: Трейси, извивающаяся на барной стойке, рассыпающая огненные пряди, тянущая через трубочку мохито, захлопывающая за собой дверцу автомобиля...

Да! Он, Клиффорд, хочет знать, получится ли у него что-нибудь с Трейси?

Эта тусовщица оцарапала его сердце, оставив в нем неглубокую, но кровоточащую бороздку.

Может быть, само провидение привело его сегодня в салон Корнелии Картер? Надо же... как забавно совпадает ее фамилия и то, чем она занимается – гаданием на картах. Это, правда, не совсем обычные карты... Но все-таки.

– Я знаю, о чем стану спрашивать! – торжествующе объявил он.

Корнелия выдохнула с облегчением.

– Отлично!

Клиффорд набрал в легкие воздуха, чтобы объявить о своем восьмидесятифунтовом вопросе... но вдруг сбился.

Он смотрел в голубые глаза Корнелии и почему-то не мог спрашивать ее о другой женщине.

Что-то останавливало его, он и сам не знал, что именно.

Ерунда какая. Он ведь может спрашивать, о чем хочет, так?

Так-то оно так, но...

Трейси. Другая женщина. Полная противоположность Корнелии. Трейси – зеленоглазая и медноволосая, а Корнелия – блондинка со светлыми глазами. Такой контраст. Удивительно было то, что здесь, в присутствии Корнелии, сама мысль о других женщинах казалась чуть ли не кошунственной.

Хотя самой Корнелии наверняка не было до этого никакого дела. Она терпеливо смотрела на Клиффорда. Она ждала...

– А могу я задать вопрос мысленно?

– Конечно, можете, мистер Стафф.

– Прошу, зовите меня Клиффорд.

Нет, разумеется, он с ней не кокетничал.

– Вы... выглядите так взросло, – Корнелия явно смутилась.

– Ничего страшного. Просто у меня слишком серьезный вид, – подмигнул Клиффорд.

– Ну, хорошо. Считайте, что мы с вами договорились. Значит, вы сейчас внутри себя формулируете запрос. Можете в подробностях представить объект, которому посвящен ваш вопрос. Сосредоточьтесь. Постарайтесь отключить все посторонние мысли.

Мыслей не было. Клиффорд тонул в сиянии этих необыкновенных голубых глаз.

Он постарался представить себе лукавое выражение зеленых глаз Трейси. Потом сконцентрировался на своем вопросе.

– Вы готовы?

Корнелия тщательно перемешивала колоду. Карты лежали рубашками вверх.

– Готов, – решительно произнес Клиффорд.

Шум дождя за окном вроде бы начал стихать...

– Тогда переложите колоду, пожалуйста.

– Что?

– Нужно переложить колоду, – терпеливо повторила Корнелия.

– Для чего?

– Я вам пока об этом не говорила, мистер Стафф...

– Клиффорд.

– Я вам пока об этом не говорила, Клиффорд, но я должна знать, согласны ли карты, чтобы я гадала вам.

– Что?!

– Но таковы правила.

– Значит, карты могут не согласиться, – с улыбкой повторил Клиффорд, а сам уже делал то, о чем его с такой милой улыбкой просила Корнелия: перекладывал колоду.

– Да, могут. Впрочем, дело может оказаться не в вас. Может быть, сегодня неподходящий для гадания день... Именно для вас.

– Готово. Я все сделал, как надо?

– Да, отлично, Клиффорд.

Корнелия взглянула на последнюю карту. Нет, на ней не был изображен Маг, которого обычно называют «Хранителем тайны». Если бы выпал Маг – запрещающая карта – это значило бы, что гадание, к сожалению, придется отложить.

– Все в порядке, – весело сказала она, – ограничений на гадание сегодня нет.

– Можем приступать, – полувопросительно сказал Клиффорд.

– Да.

Корнелия еще раз перетасовала колоду.

– Рассматриваем только прямые, Клиффорд? – уточнила она. – Или перевернутые значения тоже нужно учитывать?

Клиффорд умоляюще поднял руки к небу:

– Корнелия, жальтесь надо мной. Я в этом деле новичок. Понятия не имею ни о прямых, ни о перевернутых... ни даже о кривых. Будем рассматривать любые, как вы сами сочтете нужным.

– Значит, рассматриваем все выпавшие карты, даже если они лежат вверх ногами, – решительно произнесла Корнелия. – Так мы получим более полное толкование, более точный ответ на ситуацию, по которой гадаем. Вы задали свой вопрос, Клиффорд?

– Да, я уже сформулировал его.

Корнелия снова хлопнула в ладоши:

– Отлично! В таком случае, тяните карту. Тяните. Смелее. Не бойтесь!

– Трудно только в первый раз? – пошутил Клиффорд.

– Разумеется. Теперь давайте, я открою. Видите, я ничего не переворачиваю. Все лежит так, как и было, когда вы вытягивали карту... Ух!

Непроизвольный взглас Корнелии заставил Клиффорда не то подскокнуть, не то поежиться.

Но он искренне не понял причину подобной реакции.

Карта была пустой.

Ни рисунков, ни надписей, ни значений, ни символов...

Клиффорд облизнул губы и спросил неожиданно охрипшим голосом:

– И что... Что это значит, Корнелия?

Корнелия смущенно пожала плечами:

– Признаться, я в затруднении...

– Разве вы не профессионал? – возмутился Клиффорд.

– Само собой. – На щеках Корнелии вспыхнули пунцовые яблочки смущения. – Разумеется, сейчас я растолкую вам... значение. Просто, признаться, в моей практике такое в новинку... Впервые я делаю единичный расклад, и выпадает пустая карта. Странно – ведь карты не отказались погадать вам!

– Знаете, я не понимаю всех этих игр... – Клиффорд приходил в раздражение даже незаметно для себя самого. – Просто расскажите мне, каков был ответ. И я пойду. Уже поздно... – Он словно забыл, что сбежал из офиса после обеда. Даже с большой натяжкой сейчас не могло быть поздно.

Корнелия подняла брови с холодным выражением лица. Куда подевалась вся теплота?

– Итак, мистер Стафф, слушайте и запоминайте. Пустая карта – нет ответа.

– Совсем?

– Увы. Вообще.

– Не понимаю...

Корнелия сжалась, но лишь слегка:

– Возможно, информация недоступна. Возможно, вам попросту не нужно знать ответ.

Это можно истолковывать по-разному. Очевидно только одно: ответа для вас нет.

– Но если он мне нужен? Как мне быть?

– Вы потому и пришли сюда, что он был вам нужен. Но карты ясно говорят, что ответить вам они ничего не смогут. Я сожалею.

– Как же так? – пробормотал Клиффорд. – Первый раз – и такая промашка...

– Главное – начать, – снисходительно улыбнулась Корнелия. – Дальше будет чуть легче.

– Будет что?

– Работать с картами. Консультироваться у таролога. Спрашивать. Истолковывать ответы.

– Какие ответы, если их еще и давать не желают?

– Мистер Стафф, разве вы не торопились куда-то?

– Сперва я хочу разобраться. Понять, черт подери.

– Пожалуйста, не ругайтесь, – Корнелия нахмурилась, – здесь... здесь потоки. Тонкая энергетика. Лишняя брань мне в салоне ни к чему. Да где – не в прихожей, не на кухне, а прямо здесь, в комнате...

– Простите. Я вспылал...

– Может быть, вы сами закрыли от нас эту информацию? – предположила Корнелия.

– Я? Каким это образом?

– Ну, например, не хотели, чтобы о вас узнали слишком много.

Клиффорд пожал плечами.

– вспомните, – настаивала Корнелия, – вы ведь сами не захотели озвучивать свой вопрос вслух. Значит, вы что-то скрываете...

– А почему я должен выкладывать все подряд первой встречной?

«Первую встречную» Корнелия любезно пропустила мимо ушей.

– Вы могли обтекаемо сформулировать свой запрос. К примеру: «Состоится ли моя встреча с человеком, о котором я думаю?» Или: «...с человеком, с которым познакомился на железнодорожном вокзале».

Да она точно колдунья.

– Словом, – со вздохом подытожила Корнелия, – вы ведь сами не захотели произносить свой вопрос вслух. А про себя, видимо, вы сформировали запрос недостаточно четко.

Клиффорд поднялся.

– Что ж... благодарю и на этом.

– На здоровье, – вежливо ответила Корнелия, – надеюсь, вам был приятен процесс... э-э-э... консультации. Может быть, вы хотите еще чаю или кофе?

– Нет, спасибо.

Клиффорд прислушался – и на этот раз капли дождя не грохотали под окнами.

– Думаю, что мне пора.

Корнелия поднялась.

– Я провожу вас...

Вместе с Клиффордом они прошли в тесный коридорчик, который Корнелия гордо именвала прихожей.

Клиффорд обулся, взял с вешалки пальто. Пальто было полусырым. Он внутренне пожегся.

Ничего, еще каких-то пятнадцать или двадцать минут – и он дома, в горячей ванне, с вечерней газетой. А потом чай с лимоном, изучение новостных сводок – и спать.

Что-то он сегодня вымотался.

Клиффорд уже протянул руку к дверной защелке, как вдруг Корнелия спохватилась:

– Сэр, а оплата сеанса?

– Разве я что-то вам должен? – изумился Клиффорд.

Он искренне так считал. Он заблуждался, но в своем наивном заблуждении он был очень искренен.

– А разве нет?

– Я могу предложить плату за чай с мятой и имбирем, – предложил Клиффорд.

Щеки Корнелии вспыхнули. На этот раз это был румянец гнева...

– Мы работали с картами таро! Я ведь озвучила вам цену! Клиффорд, вы же согласились с ней!

Он покачал головой:

– Милая, будьте благоразумны. Выпала ведь пустая карта. Нет ответа – нет денег. По моему, это справедливо, разве вы так не считаете?

– Нет, не считаю, – горячо возразила Корнелия, – я тратила энергию, тратила свое время, в конце концов.

– Я что-то не наблюдал у вас других клиентов за все время, что пробыл здесь.

– Это нечестно, – прошептала она.

– Поверьте, я вовсе не хотел вас обидеть.

– Да?!

– Разумеется. Корнелия, дело не в том, что мне жаль денег. Денег мне, поверьте, не жаль. Но ведь... Но ведь ответа действительно не было! За что же я должен платить?

– В том, что ответ не пришел, может быть и ваша вина, вы не находите? Вы не озвучили свой вопрос! Вы могли плохо настроиться! Но я-то – я ведь сделала все, что смогла. Со своей стороны я сделала все...

Клиффорд решительно покачал головой и открыл-таки наконец дверь.

– Извините, Корнелия. Всего хорошего. Желаю удачи лично вам и процветания вашему бизнесу.

Вместо ответа он услышал грохот захлопывающейся двери за спиной.

Корнелии стоило больших усилий удержаться от чего-то вроде «Да пошел ты!..» вдогонку посетителю, так удивившему ее.

3

Погоревав немножко в одиночестве, Корнелия накинула на плечи бежевый тренчкот, прихватила зонт и покинула свой «офис».

Заперев ключом дверь, она легко сбежала по ступенькам. Куст стряхнул на нее несколько дождевых капель. Дождь уже прошел, но воздух, казалось, был пропитан влагой. Корнелия засмеялась, хотя настроение у нее было хуже некуда.

Повесив зонт на руку, она зашагала вверх по переулку. Пройдя через сквозную арку, она вынырнула на другой улице, более оживленной.

На этой улице находилась кондитерская. Она не пользовалась бешеным спросом, но у нее была устойчивая, сформировавшаяся за годы клиентура. Жители близлежащих домов и небольших конторок по достоинству ценили горячий, свежеспеченный хлеб, рогалики и сдобу. Большой ассортимент пирожных манил Корнелию в эту кондитерскую, словно магнит. Кроме того, сказать, что здесь были шадящие цены, значило не сказать вообще ничего...

Звякнул колокольчик, когда Корнелия дернула ручку двери любимой кондитерской. В этот час люди только-только планировали ехать домой из офисов, заканчивали работу, забирали машины со стоянок. Кондитерская была практически пустая.

– Корнелия! Здравствуй, милая! Давненько тебя не было видно.

За прилавком отдела, в котором отпускали свежесваренный кофе и продавали вкуснейшие свежие пирожные, стояла сама хозяйка, Анни Лемминг. На ней был белоснежный передник, на седых волосах – светлая косынка, подвернутая, как раньше носили фермеры. Ее сухое лицо было сосредоточенным, но глаза приветливо улыбались.

– Попыталась избежать соблазнов, – призналась Корнелия.

Анни расхохоталась:

– И результат я вижу... Тебе это не удалось!

– Да, не вышло.

– Каждый, кто заглянул сюда хоть раз, обязательно вернется, – торжествующе объявила Анни. – Что тебе завернуть, милая?

– Если не возражаете, я перекушу прямо здесь.

– Как я могу возражать! Выбирай любой столик, который на тебя смотрит.

Корнелия облюбовала столик прямо возле окна. Положила на подоконник зонт и сумочку, бросила на соседний стул тренчкот. Потом вернулась к прилавку и замерла перед ним в размышлении. Точнее, это можно было назвать предвкушением.

Счастливым предвкушением.

– Мне, пожалуйста, капучино, – наконец определилась Корнелия, – только средний, а не большой... Эклер с банановым кремом, донатс с кленовым сиропом и... и... пожалуй, еще маленькое пирожное безе.

– Отлично. Присаживайся, я принесу тебе твой заказ за столик.

– Спасибо.

В ожидании заказа Корнелия присела за выбранный столик. Она даже не замечала, что нервно дергает ногой. И это была отнюдь не нервозность, проявляющаяся из-за того, что капучино не может быть сварен и подан мгновенно.

Корнелия была очень, очень расстроена.

Этот Клиффорд...

Он выглядел таким представительным. По мнению Корнелии, именно таким и должен выглядеть идеальный мужчина.

То есть, конечно же, идеальный бизнесмен.

Такое строгое, фактурное лицо. Профиль хорошей лепки. Ну, то есть если бы его лепил скульптор... Наверное, можно было бы сказать, что это отлично вылепленный череп.

Отличная стрижка, темные волосы, даже по виду шелковистые. Костюм с иголочки. Не хватает только ноутбука под мышкой и темных очков на носу. Дипломат в руке...

Он выглядел так представительно, так... надежно. А вместо платы за визит предпочел попросту отшутиться. Разве серьезные люди так делают?

Может, он и не собирался гадать по-настоящему?

Может быть, этот тип с самого начала собирался подшутить над ней?

Корнелия внезапно хлопнула себя по лбу, чем немало обеспокоила Анни, которая как раз в этот момент ставила перед посетительницей поднос с капучино и набором пирожных.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – обеспокоенно поинтересовалась она, а Корнелия только молча кивнула.

Ее озарило.

Наверняка это были съемки программы скрытой камерой!

Ходят же подобные люди по разным офисам, разыгрывают сотрудников, потом пускают все это в прямой эфир.

Зрителям смешно, сотрудникам смешно или обидно, рейтинги растут, руководство канала довольно.

Да, но недовольна она, Корнелия!

Это ведь ее работа. Как бы ни относились к ней люди, Корнелия себя уважает. И, когда она хорошо и качественно выполняет свою работу, она рассчитывает получить за нее оплату.

Корнелия всерьез задумалась над тем, не стоит ли ей начать брать плату за сеансы гадания вперед...

Или сделать пятидесятипроцентную предоплату?

Как-никак... Может, хотя бы таким способом она сможет застраховать себя от подобных инцидентов в будущем?

Кем бы ни был этот шутник, явившийся сегодня к ней в салон, Корнелия искренне желала ему подавиться горячим кофе прямо где-нибудь на деловом ланче или на презентации важной для него программы.

Пирожные исчезали одно за другим, незаметно даже для самой Корнелии. Она глотала их, не чувствуя вкуса. Она обжигалась горячим кофе с молочной пенкой. Сегодняшняя ситуация не давала ей покоя, свербила внутри, застряв где-то под ребрами и время от времени напоминая о себе тревожным мятным холодком.

Может быть, этот мужчина, Клиффорд Стафф, вовсе не такой преуспевающий, каким кажется на первый взгляд? Те деньги, которые назвала ему Корнелия, могут оказаться для него большой суммой...

Хотя нет, вряд ли. Он выглядел таким уверенным в себе, словно ему принадлежит половина Эдинбурга и четвертушка мира в придачу. Наверняка он возомнил, что вправе судить и выносить приговоры направо и налево. Да-да, Корнелия прочла по его глазам – сумма показалась ему завышенной! Завышенной несправедливо.

Куда ему понять, в какой ситуации она находится. Разве она много зарабатывает с этим своим салоном? Да, одна «консультация» у нее стоит немало. Но ей ведь нужно оплачивать аренду помещения! Нужно тратить свою энергию, настраиваться на карты, уметь читать их значение. Она ведь не какая-нибудь шарлатанка. Нужна специальная литература – книги по картам таро. Такие издания по определению не могут быть дешевыми.

А нужно еще оплачивать квартиру, в которой Корнелия вот уже несколько лет проживает одна. Нужно что-то есть, как-то одеваться. И если деньги остаются на нехитрые развлечения и небольшие поездки, то Корнелия уже счастлива.

К ней ведь не приходит по пятнадцать клиентов в день. Если он вообразил, что у Корнелии сумасшедшие заработки, и что его маленький «каприз» не скажется на состоянии ее кошелька, то он глубоко заблуждался.

Гадкий, неприятный тип. Хотя какая обаятельная у него поначалу была улыбка...

Корнелия машинально облизнула пальцы, перепачканные в банановом креме, потом потянулась за салфеткой.

* * *

Клиффорд провел не самый лучший вечер в своей жизни. Голова разболелась с новой силой. Пока он добирался до дома пешком, ливень припустил с новой силой. Ветер рвал зонт из рук, бросал в лицо пригоршни холодной воды, брызгал каплями за воротник.

Так что, оказавшись в своей просторной и отлично отапливаемой квартире, куда ветру не было доступа, Клиффорд вздохнул с облегчением.

Он сорвал с себя тяжелое набрякшее пальто, пристроил его на сушилке. Отправил костюм в стиральную машину. Зайдя в ванную комнату, пустил набираться очень горячую воду.

Горячая ванна немного оживила его. Он думал, что с аппетитом поест. Но аппетит не шел к нему. Клиффорд предположил, что все дело в его скудном холостяцком меню.

Не то что бы он не умел жить со вкусом и комфортом. Просто, заработавшись, он не нашел в своем плотном графике заехать в круглосуточный супермаркет и затариться определенным количеством вкусной еды. Так что в распоряжении Клиффорда оказались предполагаемая яичница (с кетчупом), макароны фетуччини (без сыра), гренки из успевшего зачерстветь хлеба, и кофе. Растворимый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.